

ФУНКЦИИ АКЦЕНТИРУЮЩИХ ЧАСТИЦ *ДА/ДӘ, ТА/ТӘ, ЗА/ЗӘ, ЛА/ЛӘ* В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Султанбаева Х.В.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Республика Башкортостан, 450076, г Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: sultanxv@mail.ru

Частицы являются сложной, многогранной категорией и трудно поддаются классификации. Это вполне понятно, ибо частицы в известной мере полисемантчны, полифункциональны, их значения отличаются друг от друга тонкими нюансами, зависят от влияния контекста, речевой ситуации. К тому же в языке идет постоянный процесс появления все новых и новых оттенков значений у старых и образования новых частиц путем грамматикализации знаменательных лексических единиц. В настоящей статье рассматриваются функции частиц *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә*, входящих в башкирском языке в группу акцентирующих частиц. На материале художественных текстов делается попытка раскрыть полисемантическую и полифункциональность данной категории слов.

Ключевые слова: служебные части речи, частица, акцентирующие частицы, функция, семантика, башкирский язык, тюркология, контекст.

FUNCTIONS OF EMPHASIZING ARTICLES *ДА/ДӘ, ТА/ТӘ, ЗА/ЗӘ, ЛА/ЛӘ* IN THE BASHKIR LANGUAGE

Sultanbaeva K.V.

VPO "Bashkir State University", Ufa, the Bashkir Republic (32, ZakiValidi St., Ufa 450076 Russia), e-mail: dek63@yandex.ru

Particles are considered to be a complex category, it is hard to classify them. And it is clear enough, as particles to some extent are polysemous and functions they fulfill are various. Their meanings depend on the context. Besides that one can observe new shades of meanings of particles that are in use appear in the language, at the same time new particles are being formed as a result of the grammaticalisation of content words. The article presented discusses the functions of the following Bashkir particles: *da/dә, ta/tә, la/lә, za/zә*, which are emphasizing and makes an attempt at revealing the polysemy and multifunctionality of words belong to this category.

Keywords: auxiliary parts of speech, particle, emphasizing partilces, function, semantics, the Bashkir language, Turkology, context.

В грамматических исследованиях по урало-алтайским, а также по отдельным тюркским языкам, в определении лингвистического статуса частиц больших разногласий не наблюдается. Так, в работе К.Е. Майтинской, посвященной служебным словам в финно-угорских языках, частицами названы «...неизменяемые служебные слова, выражающие различные смысловые оттенки отдельного слова или предложения» [7].

В «Татарской грамматике» частицы определяются как «служебные слова, придающие отдельным словам, членам предложения или предложению в целом различные смысловые, эмоциональные и модально-экспрессивные оттенки» [10].

В лингвистической литературе со всей определенностью указывается на синтаксический статус частиц в языке [8]. Н.К.Дмитриев, рассматривая частицы как «некоторые переходные элементы от отдельного слова (т.е. частей речи) к формантам (т.е. аффиксам)», писал: «Аффиксы есть элемент морфологический, они могут стоять при какой-нибудь одной морфологической категории (части речи), частицы – при нескольких, если не

при всех. Они, таким образом, играют не морфологосинтаксическую (как аффиксы), а чисто синтаксическую роль» [5].

Определение частиц как самостоятельной лексико-грамматической категории, как отмечает Ф.Р. Зейналов, в современных тюркских языках представляет собой принципиально новое явление, т.к. «они до последнего времени не выделялись как особая категория, а включались в состав других частей речи, главным образом, наречий, союзов или послелогов» [6]. Выявляя специфические особенности частиц, автор обращает внимание на отличие частиц от других служебных слов. По этому поводу он пишет: «Частицы отличаются от послелогов и союзов по синтаксическим функциям. Так, если последние служат для создания связей между именами и глаголами, словами, словосочетаниями или предложениями, или для выражения их отношений, то первые лишены этой особенности и служат для подчеркивания смысла слов и предложений» [6].

Как в тюркологии, так и в языкознании в целом остаются актуальными вопросы классификации частиц, так как существуют разные мнения и подходы. Такое положение объясняется прежде всего многоаспектностью и сложностью частиц. Так, в «Грамматике современного башкирского литературного языка» определенного списка частиц не дается [4]. Эта принципиальная размытость списка частиц связана с размытостью их семантики. А именно: они одновременно и многозначны, и синонимичны. Таким образом, функциональная семантика частиц как бы налагается одна на другую. Все это еще раз подтверждает полифункциональность частиц.

Выяснение вопросов формирования частиц, сгруппированных по значению даже в пределах одной основной функции, затруднено тем, что семантическая структура частиц иногда исключительно сложна: одна и та же частица в пределах одной функции может выражать разные значения. Например, «... в башкирском языке акцентирующая частица *да* в зависимости от контекста может приобрести и другие дополнительные оттенки, например: подтверждение, сомнение, предположение; частица *да баһа* – удивление, восхищение, сокрушение, досаду» [9].

В настоящей статье рассматриваются функции частиц *да/дә, та/тә, ла/лә, эл/э*, входящих в башкирском языке в группу акцентирующих частиц. На материале художественных текстов делается попытка раскрыть полисемантичность и полифункциональность данной категории слов.

Некоторые экспрессивно-выделительные частицы, являясь акцентирующим средством, одновременно выполняют сочинительные и подчинительные функции. И поскольку частицы как акцентирующее средство имеют в тюркских языках длительную историю, а союзы появились относительно поздно, прочно укоренилось мнение о том, что многие тюркские союзы ведут свое происхождение от частиц. Частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, эл/э*

можно отнести к разряду таких. Однако мнения тюркологов по этому поводу расходятся. Так, например, в казахском языке частица *да/да* до сих пор рассматривается как союз, реже как частица [1]. Профессор Н.К.Дмитриев утверждает, что это частица, употребляющаяся в функции соединительных или противительных союзов, которая, как он пишет, «к союзам отнесена быть не может, так как подчиняется сингармонизму» [5]. В своей работе эти служебные элементы мы рассматриваем как частицы, так как считаем, что по своей основной функции они являются частицами и выражают различные модальные, эмоционально-экспрессивные оттенки. Эти оттенки в известной степени зависят от значения и формы предыдущего слова.

В башкирском языке частицы *да/да*, *та/та*, *за/за*, *ла/ла* очень часто выполняют утвердительно-усилительные функции. Значение подтверждения, подчеркивания особенно рельефно выражается при употреблении этих частиц после глагола-сказуемого. Примеры: МәликәйәйләүенбөтәһыйрһауыусыларәсәндәтәжрибәмәктәбеитепкуйыууйытыузыӘхнәф тә. БынахәҙәршултуралакыҙҙарменәнһөйләшеүәсәнКамышлыүзәнәндәгебаҫыу юлы буйлаперәналашаһынашыттырала. – Идея сделать яйляу Малики школой передового опыта для всех доярок появилась у Ахняфа. Вот и погнал он рыжего мерина по дороге вдоль лощины Камышлы, чтобы переговорить об этом с девушками.

Частица *да/да* в сочетании с отрицательными формами различных наклонений глаголов выражает категорическое отрицание, запрещение совершать какое-либо действие. Примеры: – Шундайбайзыңкиленебулыукемгәтейә? Был хактаһөйләмәлә. – Кого волнует, что она невестка такого богача? И не говори.

В разговорной речи довольно часто употребляется конструкция из двух или более глаголов повелительного наклонения с частицами *да/да*, *та/та*, *за/за*, *ла/ла* типа *кайт та кил* «возьми да вернись», *һөйләләташла* «возьми да расскажи» с особым модальным оттенком, указывающим на неожиданное, внезапное совершение действия в прошлом. Академик В.В. Виноградов называет эту форму «прошедшим временем мгновенно-произвольного действия», которая обозначает «действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица». Он пишет: «... в современном языке эти формы прошедшего времени не имеют ничего общего с повелительным наклонением. Это особые аналитические формы глагола, лишь отчасти омонимичные с формами императива» [2]. Частицы *да/да*, *та/та*, *ла/ла*, *за/за* в составе этих конструкций способствуют выражению внезапности, неожиданности совершения действия. Употребление таких форм помогает достижению живости рассказа, изображению быстроты совершаемого действия. Они имеют *ярко выраженную стилистическую окраску и* свойственны экспрессивной речи с разговорной окраской. От

императивных форм их отличает особая интонация неожиданности. Примеры: Киләторғас, ниндәйҙәрбертимергәэлектәйығыл. – Шел да вдруг об какую-то железку споткнись да упади. АнашулЙәстәфәйгәбирәйем тип, үстәргәниндеуныхозай, Ваһапқабулһын тип, үстәргәнтиһеңмеәллә, – Ваһапһаманшаярыпһөйләүендауамитте, – тары индегенәбешкәйне, мин барыпурҙа алтегене. – Ты думаешь, господь его для меня вырастил, что ли, нет, он его для Естафея вырастил, – продолжал Ваһап, посмеиваясь. – А только прососозрело, я возьми да и скоси его.

Частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә*, объединяя однородные сказуемые, выраженные глаголами повелительного наклонения, усиливают, конкретизируют просьбу или повеление. Например: *Күрҙә һөйләш! Нәйди да и поговори! Барҙа әйт! Пойди да и скажи!*

В башкирском языке данные частицы, как видим, чаще всего примыкают к глаголу, а также глагольным формам, и усиливают выражаемое ими действие или состояние. Так, в сочетании с деепричастиями на *-ып* они выражают внезапность, скоротечность действия. Примеры: *Дейеүзеңөсбашлыһыултамсыныкүтәрәпизәңгәтөшөрә, әммәуралтыпһуғаалмай; алтыбашлыһыуралтыпһуға ала; уникебашлыһыкүтәрәптә ала, уралтып та ала, башкаһын да эшләй. – Трехглавый див эту плеть на пол уронил, но вот щелкнуть ею так и не смог; шестиглавый смог щелкнуть; а вот двенадцатиглавый и поднял, и щелкнул, и все остальное смог.*

Частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә*, употребляясь между компонентами сложных глаголов-сказуемых, способствуют усилению выражаемого ими общего значения. Примеры: (Ғимай) - *Ошоҙһәмкөсһөзфәлсәфә, һезҙенурынығыззабулһам, мин ундайфәлсәфәменәнбулышмағанбулыринем. Урынһыҙкулланылғанһөжүм (көлкө, ирония) улһүзәрәндеңмәғәнәнһенгенәшай, - тип әйттеләһалды. – Слабая, бессильная философия. Будь я на вашем месте, я бы такой философией и не занимался. Острота, сказанная не к месту, лишает слова всякого смысла, – взял да и выложил он.*

Данные частицы, занимая место между повторяющимися глаголами, служат для оформления соединительной связи в условиях повтора, одновременно усиливая значение качественного признака или значения длительности и непрерывности действия. Примеры: *Алдариһәбаҫқанерәндәтора ла тора. – А Алдар как стоял, так и стоит на том же месте.*

Сочетаясь с глаголом-сказуемым в форме условного наклонения, рассматриваемые частицы передают противительное значение. Примеры: *Йылыһүзеңбулмаһа ла, йылыашыңалдындаторһон. – Коль нет теплых слов, так пусть хоть теплая еда будет.*

Частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә*, употребляясь с модальным словом *ысынлап*, усиливают уверенность говорящего в том, что говорится в высказывании. Примеры: *Максим, ысынлап та, бөтәиптәштәреараһынаншоикәкыҙыкайҙыякынырақкүрә; мин*

булмаһам, былларзыкемдермотлаккыйырһытасактигәншикелле, һәрдаимкурсалапкынайөрөтә, бошонмаһындарәсәнәүрәтеряйын да таба. – Максим, в отличие от прочих своих товарищей, относился к этим двум девчушкам с особенной теплотой; все время обхаживает их, находит время подбодрить.

Частицы *да/дә* и др. также служат для усиления экспрессивной окраски высказывания при соединении членов перечислительного ряда. Примеры: Емеш:– Һэйбәтбулған. Минеңбөгөнберкемдела, беркемделәкүргемдә, һөйләшкөмдәжилмәй, беләһеңме? – Емеш: Ну и ладно. Видишь ли, мне сегодня никого не хочется ни видеть, ни слышать. Иҫәкәйулменепеткәнсе *куркып та, һо кланып та*, теленйоткандайөндәшәлмайторғайны, хаттатамағыкибепкиткәнһымакбулды. – Исякай, пока он поднимался, и испугаться успел, и обрадоваться, словно язык проглотил, сказать ничего не мог, в горле пересохло. *Әсәһендәкүрҙем, сәсәһөндә*, үкенесемерзәкәлманы.

Частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, ҙа/ҙә* также служат для подчеркивания, выделения какого-нибудь слова в предложении. Примеры: Әлләкайзарғаakitтебезҙең баш, манаралакүренмәй. – И где только нас ни носило, даже минарета не видно. Алтын *кылыс та*ысынтүгел, уныңшәүләһегенә, – тикколабейә. – Шәүләһенәбулғанәсән уны *дейеү-пәрейҙә* ала алманы. – И золотая сабля тоже не настоящая, а лишь призрак ее, – сказала саврасая кобыла. – Именно поэтому даже див не смог ее взять.

Частицы *да/дә, та/тә, ҙа/ҙә, ла/лә* придают предшествующему слову различные эмоционально-экспрессивные оттенки, например, выражают подтверждение, уверенность, предположение, сожаление, недовольство, колебание, сомнение и т.д. Примеры: Иҫәкәй: - Йөрәмәйһуң, һин, өйҙәгеләрҙеуйламай, баш һужканыккаолаккас *та*... - Исякай: Как не ходить, если ты, не думая о домашних, ушел куда глаза глядят.

Частицы *да/дә, та/тә, ла/лә, ҙа/ҙә* выступают в функции союзов и служат для соединения членов закрытого сочинительного ряда, а также частей сложносочиненных предложений. Примеры: Шулсактакүргәйне бит улкыҙҙы. Күргәйнеләюғалтҡайны.— Видел же он тогда эту девушку. Видел, да потерял.

Следует отметить, что в башкирском языке *да* в значении союза выступает относительно редко. Преобладает выделительная функция, т.е. функция частицы, функция же средства синтаксической связи является второстепенной, несущественной: опущение *да* приводит к исчезновению акцентированности, но не нарушает цельности синтаксической единицы, например: карзаяуа, ямғырҙа «и дождь идет, и снег»; ср.: каряуа, ямғыряуа «дождь идет, снег идет». Как пишет Н.З.Гаджиева, «...практически далеко не всегда удается провести четкую границу между *да-дә*, выполняющим функцию

союза, и *да-дә*, выступающим в качестве частицы» [3]. Переход частицы *да* в союз, считает она, осуществлялся постепенно. Двойная связь наглядно проявляется, когда частица-союз бывает одновременно связана с обеими частями сложносочиненного предложения, а именно: выполняя новую для себя функцию присоединения последующего предложения, *да* одновременно подчеркивает те или иные члены первого предложения, в составе которого находится, например: *Капылкөслө ел куптыла, койонөйөрмэлэрөкүтэрелде. «Вдруг подул сильный ветер, и взвились вихри пыли».*

Союзная функция *да* наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда она связывает однородные сказуемые, между которыми устанавливаются следующие отношения:

1. Последовательность действий, событий. Примеры: *Маруся тағыберазһөйләшепторҙола ашығыпкүхняғакирейүгерҙе. – «Маруся еще немного постояла, поговорила да заспешила обратно на кухню». Әсғәтминенкулдағыикмәккиҫәгенәйотолопқараныла, ирендәренялап, ауызынсапылдатыпқуйҙы. – «Асхат посмотрел голодным взглядом на кусок хлеба в моей руке, облизнул губы и причмокнул».*

2. Усиление совершаемого действия при повторяющихся глаголах, соединенных союзом *да*. Примеры: *Елгәргестәрҙән таҙарыпсықкана шлыктранспортерҙәр буйлап алтын йылғаһы төслә ағылдыла ағылды. – «Зерно после веялки золотым потоком текло по транспортеру». Әллә ни булды, кайнар тамсылар үззәренән-үззәре койолала койола. – «Что-то случилось, невольно текут и текут горячие слезы».*

3. Быструю смену повторяющихся действий. Примеры: *Әлфиәкырткынаборолдола йүгерә-атлайкапқанансығып китте. – «Альфия резко повернулась и выбежала за ворота».*

Рассмотрим также некоторые случаи употребления *да-дә* в союзной функции в сложносочиненных предложениях, между компонентами которых устанавливаются следующие отношения:

1) причинно-следственные отношения, при этом первое предложение выражает причину, последующее – следствие. Примеры: *Шәһизәәбейкунаккаса кырҙыла, улар төнгә жалды. – «Бабушка Шахида позвала их в гости, и они остались ночевать».*

2) противопоставление. Примеры: *Әхмәзи ер хакытураһында ауыҙасканинелә, Тимербайунытуктатты. – «Ахмадизавел*

было разговор о стоимости земли, но Тимербай его остановил». В таких предложениях союз *да-дә* соответствует противительным союзам *ә, әммә, ләкин*, т.е. можно сказать: *Әхмәзи ер хажытураһындаауызаскайны, ләкин*(также: *ә, әммә*) Тимербайунытуктатты. Юлаусығасәйәсерепебәргәндәләякшыбулыринелә, самауыркайнатырға күмерегенәүк. – «Хорошо было бы поставить самовар и напоить путника чаем, однако нет угля».

Таким образом, основной функцией частиц *да/дә, та/тә, ла/лә, за/зә* является сообщение дополнительных усилительно-выделительных, эмоционально-экспрессивных оттенков знаменательному слову. Однако, как показывают наши исследования, в башкирском языке эти частицы имеют широкий спектр самых разнообразных значений: утвердительное, уступительное, присоединительное, ограничительное, выделительное и т.д. К тому же они являются полифункциональными, что выражается в том, что помимо основной функции они нередко выступают и в союзной функции.

Частица является сложной и многогранной категорией и трудно поддается классификации. Это вполне понятно, ибо частицы в известной мере полисемантчны, их значения отличаются друг от друга тонкими нюансами, зависят от влияния контекста, речевой ситуации. К тому же в языке идет постоянный процесс появления все новых и новых оттенков значений у старых и образования новых частиц путем грамматикализации знаменательных лексических единиц.

Список литературы

1. Амиралиев К. Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков (на материале каракалпакского, узбекского, казахского языков). – АКД. Алма-Ата, 1980. – 29 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Гаджиева Н.Э.О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках / Н.Э.Гаджиева // Советская тюркология. – 1973. – №2. – С. 30-39.
4. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.;Л.; Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
6. Зейналов Ф.Р. Служебные части речи в современных тюркских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Баку, 1966. – 82 с.

7. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982. – С.115.
8. Султанбаева Х.В. К вопросу о частицах в тюркологии // История науки и техники (научное издание). – 2007. – № 6. Спецвыпуск № 1. – С. 113-115.
9. Султанбаева Х.В. Основные направления изучения частиц в тюркском и башкирском языкознании // Вестник ЧелГУ. – Челябинск, 2007. – № 13. – С. 117-121.
10. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – 397 с.

Рецензенты:

Зайнуллин М.В., д.фил.н., профессор кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа;

Галяутдинов И.Г., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.